

Международная летняя школа
**«Борьба за внимание в публичной сфере.
Перспектива критической феноменологии»**

*(Дрезденский университет, Институт славистики, кафедра
славянских литератур и культур, 23–29 июля 2023 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2024_187_3_417

Внимание не заслуживает того, чтобы к нему относились просто как к одному из феноменов; это ключевой феномен, который уникальным образом раскрывает опыт.

Бернхард Вальденфельс. Феноменология чужого

За последние несколько лет тема внимания обрела актуальность в самых разнообразных областях, от когнитивных наук до исследований образования. Психологи, например, указывают на то, что сегодня одним из наиболее распространенных поведенческих расстройств человека является синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Их преимущественно интересует патологическая сторона трудностей, связанных с концентрацией внимания. Но они часто не замечают, как разные люди могут проявлять гипертрофированное внимание к, казалось бы, незначительным деталям, и, напротив, быть тотально невнимательными к самым масштабным явлениям. Современная феноменология, также переживающая поворот в сторону исследований внимания¹, предлагает взглянуть на этот феномен как на одну из детерминант опыта человека, того, что определяет наше отношение к жизненному миру. Еще у раннего Э. Гуссерля в рукописи «Заметки к теории внимания и интереса» внимание характеризуется габитусом «напряженного интереса», что является «очень живым и утверждающим чувством»². В противовес «вниманию как желанию замечать» (К. Штумпф) Гуссерль предлагает рассматривать «внимание как волю замечать»³, или, напротив, не замечать то, что уже пересекло границу субъективного восприятия. Впоследствии это найдет отражение в его более позднем учении о раздражении (нем. *Affektion*), в котором Я способно определять объект внимания пассивно, замечая его еще до схватывания сознанием⁴. Это

-
- 1 *Waldenfels B.* Phänomenologie der Aufmerksamkeit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2004; *Arvidson P.S.* The Sphere of Attention. Context and Margin. Dordrecht: Springer, 2006; *Breyer T.* Attentionalität und Intentionalität. Grundzüge einer phänomenologisch-kognitionswissenschaftlichen Theorie der Aufmerksamkeit. München: Fink, 2011; *Wehrle M.* Horizonte der Aufmerksamkeit. Entwurf einer dynamischen Konzeption der Aufmerksamkeit aus phänomenologischer und kognitionspsychologischer Sicht. München: Fink, 2013; *Depraz N.* Attention et vigilance. A la croisée de la phénoménologie et des sciences cognitives. Paris: Puf, 2014; *D'Angelo D.* A Phenomenology of Creative Attention. Merleau-Ponty and Philosophy of Mind // Phänomenologische Forschungen. 2018. Nr. 2. P. 99–116; *Access and Mediation: Transdisciplinary Perspectives on Attention / Ed. by M. Wehrle, D. D'Angelo, E. Solomonova.* Berlin, Boston: De Gruyter Saur, 2022; *Fredriksson A.* A Phenomenology of Attention and the Unfamiliar. Encounters with the Unknown. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
 - 2 *Husserl E.* Noten zur Lehre von Aufmerksamkeit und Interesse // *Husserliana* 38. Wahrnehmung und Aufmerksamkeit / Ed. by Th. Vongehr, R. Giuliani. New York: Springer, 2005. S. 160.
 - 3 *Ibid.* S. 185.
 - 4 *Husserl E.* *Husserliana* 11. Analysen zur passiven Synthesis / Ed. by M. Fleischer. Den Hague: Martinus Nijhoff, 1966. S. 166.

нечто, уклоняющееся от схватывания, было определено немецким феноменологом Бернхардом Вальденфельсом, учеником М. Мерло-Понти и Э. Левинаса, как Чужое, которое «выступает из темноты и оказывается феноменом особого рода, не подчиняющимся так просто логосу феноменов»⁵. Внимание к Чужому, вторгающемуся в жизненный мир Я, вскрывает тем самым одно из наиболее острых противоречий классической феноменологии — неспособность интенциональности ухватить феномены, лежащие в сумерках порядка (метафора, принадлежащая Вальденфельсу) собственной рациональности⁶. Примечательно, что Вальденфельс подчеркивает: «Сопротивления можно ожидать только от самого внимания, в форме *дикого внимания* (фр. *attention sauvage*), внимания, которое сохраняет моменты анэкономического и анархического и допускает избыток данного внимания»⁷. Похожие строки можно встретить и в «Мотиве чужого», его работе, переведенной на русский язык: «Это внимание к чужому и отказ от его насильственного включения в общность является в том числе и сопротивлением тоталитарным попыткам в политике, без того, что общество редуцируется к всего лишь “обществу индивидуумов”»⁸. Такое продуктивное внимание, то есть принимающее Чужого как Чужого, становится, с одной стороны, нормативным идеалом демократической политики, с другой — тем, за что приходится постоянно *бороться* для обеспечения и поддержания этой политики. И в обоих случаях феноменологическое понимание внимания неизбежно сталкивается с другой, более близкой русскоязычному академическому контексту метафорой — «тканью» публичности⁹.

Такие встречи на перекрестке феноменологии и критических теорий общества отсылают к критической феноменологии — молодой феноменологической школе, предлагающей вместо «классического» эпохе (в терминологии Гуссерля) «критическое прерывание гегемонистских норм... которое заключает в скобки или вовсе порывает с естественной установкой»¹⁰. Методологическую программу критической феноменологии можно разделить на две части. Первая и хронологически более ранняя обращается к опыту первого лица, лучше всего отраженного в трудах Фанона, Мерло-Понти, Левинаса и других¹¹. Но в отличие от своих идейных предшественников, последователи критической феноменологии склоняются к «трансцендентальной интересубъективности» (в противовес трансцендентальной субъективности, понимаемой в рамках феноменологической классики как изолированная перспектива первого лица)¹². Вторая часть методологии сосредотачивается на контингентности и историчности социальных структур, таких как колониализм, расизм и гетеропатриархат, для их последующего низвержения и создания более

5 Вальденфельс Б. Мотив чужого / Пер. с нем. К. Лядской, О. Шпараги и др. Минск: ПроPILEI, 1999. С. 125.

6 Waldenfels B. Order in the twilight. Athens, OH: Ohio University Press, 1996. P. xxiv, 35.

7 Waldenfels B. Phenomenology of the alien: basic concepts. Evanston: Northwestern University Press, 2011. P. 69.

8 Вальденфельс Б. Мотив чужого. С. 157.

9 См., например, уже устоявшиеся сравнения из §25 перевода Владимира Библихина «Vita activa, или О деятельной жизни» (М.: Ad Marginem, 2023) Ханны Арендт и введения Тимура Атнашева, Михаила Велижева и Татьяны Вайзер к сборнику «Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России» (М.: Новое литературное обозрение, 2021).

10 Guenther L. Six senses of critique for Critical Phenomenology // Puncta: Journal of Critical Phenomenology. 2021. No. 4 (2). P. 6.

11 Guenther L. Solitary Confinement: Social Death and its Afterlives. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. P. xiii.

12 Ibid. P. xv.

справедливого общества. Такое амбициозное и во многом политическое стремление обосновано тем, что эти структуры власти устанавливают гегемонию восприятия действительности через нормализацию опыта одних, и патологизацию других, заключая сам феномен жизненного опыта в строгие иерархические рамки¹³. Одна из матерей-основательниц критической феноменологии Лиза Гюнтер в параграфе, который она подготовила для сборника «50 концептов для критической феноменологии»¹⁴, во многом парадигмального для этого интеллектуального движения, сравнивает новый метод с тем, как черная феминистская поэтесса Одри Лорд описывала поэзию, — «дистилляция опыта»¹⁵, позволяющая воплотить его в некоем внешнем свете и вывести ранее невидимое в пространство видимости. Как и поэзия, освещающая и артикулирующая жизненный опыт, критическая феноменология обращается вовнутрь субъекта, к тому, как он проживает свое измерение бытия-в-мире, а также позволяет преобразовать условия, в которых разворачивается этот опыт¹⁶. Трансформация здесь становится неизбежной: ведь когда свет оказывается обнаруженным не только вовне, но и внутри субъекта, качество этого света и его восприятие существенно изменяются.

Таким поискам и обретению света была посвящена летняя школа «Борьба за внимание в публичной сфере. Перспектива критической феноменологии», которая прошла с 23 по 29 июля в Институте славистики Дрезденского университета. Это уже третья международная школа Института славистики (темой первых двух школ были феномены «своеволия» (нем. *Eigen-Sinn*) и «мягкого» протеста), посвященная теоретическим и прикладным исследованиям (пост)советской публичной сферы. Уже по названию мероприятия можно догадаться, что такое сочетание современных критических теорий и практик делает критическую феноменологию одной из «ключевых методологий» школы, как это и было объявлено в анонсе. Главным инициатором выступила *Татьяна Вайзер* (Дрезденский университет, Германия / издательство «Новое литературное обозрение», Москва), сфера профессиональных интересов которой определила ориентацию школы на изучение «несовершенных» публичных сфер¹⁷, «взаимной глухоты» их участников¹⁸ и «невидимости» разных Других в пределах «общего мира»¹⁹. Помимо традиционных лекций, выступлений философов и деятелей культуры из Украины, Грузии, Кыргызстана, Чехии, Нидерландов и Германии, участники представили совместные исследовательские проекты, над которыми они работали в дни школы под наставничеством лекторов. Программа сопровождалась ежедневными культурными мероприятиями, которые помогли посмотреть критически на публичные формы истории и искусства и обратить внимание на то, как структуры власти благодаря их особому «квазитрансцендентальному» характеру влияют на наше восприятие действительности.

Школу открыла заведующая кафедрой славянских литератур и культур *Клавдия Смола* (Дрезденский университет, Германия). Она выступила с коротким

13 *Guenther L.* Six senses of critique for Critical Phenomenology. P. 6.

14 *Guenther L.* Critical Phenomenology // 50 concepts for a critical phenomenology / Ed. by G. Weiss, A.V. Murphy, G. Salamon. Evanston: Northwestern University Press, 2019. P. 14.

15 *Лорд О.* Сестра-отверженная: Эссе и выступления / Пер. с англ. М. Тай. М.: No Kidding Press, 2022. С. 47.

16 *Guenther L.* Critical Phenomenology. P. 14.

17 *Атнашев Т.М., Велижев М.Б., Вайзер Т.В.* Двести лет опыта // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Сборник статей / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5—81.

18 Там же. С. 67.

19 *Вайзер Т.* Прозрачная демократия? Феноменология (не)видимого в публичной сфере // *Versus*. 2021. No. 1 (1). С. 158—193.

приветствием и вступительным словом, посвященным той роли, которую играло общественно-политическое внимание в культурной истории СССР и России, в частности после 24 февраля 2022 года.

Татьяна Вайзер, выступавшая следом, начала с того, что очертила теоретическое поле экономик и политик внимания в публичной сфере, в котором в тесной взаимосвязи находятся феноменология внимания и признания (Бернхард Вальденфельс, Аксель Хоннет), теории гражданского неповиновения (Ханна Арендт, Джон Ролз, Юрген Хабермас), социальная феноменология публичной сферы (Майкл Уорнер, Софи Лойдолт) и другие философские течения. Такое многообразие оптик позволяет посмотреть на внимание: 1) как на феномен (личного опыта), 2) ресурс (энергии, направленной тем или иным образом), 3) ставку в борьбе (за социальное или политическое признание) и притязание на публичную видимость. Опираясь на феноменологию Чужого, предложенную Вальденфельсом, Вайзер подчеркнула, как разные политические акторы выбирают, на что нужно обращать внимание, направляя взгляд общественности на одни объекты, явления, процессы и отводя его от других²⁰. Но, как следует из эпиграфа к презентации (и к самой школе), «внимание не заслуживает того, чтобы к нему относились просто как к одному из феноменов; это ключевой феномен, который уникальным образом раскрывает опыт»²¹. Такое понимание внимания, по мнению Вайзер, позволяет, во-первых, посмотреть на публичную сферу как на множественные публичные пространства, в которых могут проходить и обретать смысл разные социальные, культурные и политические события, и затем задать вопрос, почему именно эти события получили статус публично значимых. Во-вторых, внимание в этой логике становится возможностью для участия в борьбе против существующих гегемоний и для установления справедливых отношений власти с режимами публичной видимости, подразумевающими более высокую степень инклюзивности. В конце концов внимание становится основным ресурсом для достижения цели в этой непростой схватке. Такая двухчастная направленность полностью соответствует методу критической философии, ориентированной в равной степени на объяснительный потенциал теории и потенциал преобразующий, свойственный политической практике.

Философско-феноменологическая часть школы началась выступлением самого *Бернхарда Вальденфельса* (Рурский университет, Германия) — совершенно особенного гостя. Вальденфельс не только автор работ по исследованию внимания, которые можно назвать классическими, но и основоположник респонзивной феноменологии — направления феноменологической философии, которое предлагает расширить классическое представление об интенциональности, свойственной человеческой рациональности, логикой ответа (лат. *Responsio*) на чужое притязание²² — респонзивностью. Свое выступление, озаглавленное «*Внимание как ответ чужому (дружости): внимание в перспективе респонзивной феноменологии*», профессор посвятил анализу внимания как форме ответа на Чужое — феномен особого рода, возникающий за пределами сферы Собственного Я²³. Чужое в «радикальной феноменологии», как описывает свой философский проект Вальденфельс, предшествует инициативе Собственного и избегает его диспозиции, что характерно и для внимания — ключевого феномена, который позволяет раскрыть истоки вещей и нас самих, ставя под сомнение противостоящие ему эгоцентрические логики вос-

20 *Waldenfels B. Phenomenology of the alien: basic concepts. Evanston: Northwestern University Press, 2011. P. 68.*

21 *Ibid. P. 63.*

22 *Вальденфельс Б. Мотив чужого.*

23 Там же. С. 25.

приятия инаковости. В качестве отправной точки феноменологической генеалогии внимания Вальденфельс выбрал «патос» (др.-греч. πάθος) удивленного и пытливого бытия — то, в чем Платон и Аристотель видели начало философии. Патос отсылает к тому, что тревожит субъекта и вместе с тем отклоняет его от привычных ожиданий. Следовательно, борьба за внимание, по Вальденфельсу, является в первую очередь внутренней борьбой против собственных предрассудков и пристрастий. Именно поэтому большую часть своего выступления он посвятил «разваливанию» человеческого опыта (внутренней) чуждости и дружности при помощи разных техник и тактик внимания. Свои положения Вальденфельс пояснил на множестве примеров из гуманитарных и социальных наук, лингвистики, отдельных произведений искусства, политических и экономических ситуаций, что позволило ему продемонстрировать общую респонзивную логику разных видов интересующей деятельности, непрерывное отвечание на притязание Чужого, которое ее определяет, и тем самым дает понять человеку, по словам Вальденфельса, сказанным уже во время дискуссии, что «мы никогда полностью не находимся дома».

Для Вальденфельса важнее всего пререфлексивное состояние внимания. Оно, как объясняет философ, связано со следующими фактами: 1) появления нечто как такового, 2) появления именно этого, а не другого, 3) влияния этого нечто на человека определенным образом. Внимание, таким образом встроенное в первичную организацию жизненного опыта, не ограничивается онтологическим содержанием, а вступает в силу в определенных *модусах* данного бытия и достигаемых актов. Эти разные модусы принадлежат самим вещам, но при этом не находятся ни за пределами физического мира, ни в пределах внутреннего мира актов и состояний сознания. Вальденфельс считает, что они создаются через изменение поля сознания или практики, через определение того, что не было определено ранее. Источником этого создания (англ. creation) являются ответы: все, что влияет на (нем. *wovon*) человека и все, на что он отвечает (нем. *worauf*), становится чем-то (нем. *etwas*), что мы понимаем как нечто (нем. *als etwas*), следуя определенным правилам (нем. *wonach*). Такое создающее внимание открывает патическое и респонзивное измерение сознания, которое позволяет ухватывать то, что находится за пределами любых смыслов и правил — основных функций интенциональности и регулярности.

В заключение Вальденфельс подчеркнул, что на смену классическому интенциональному *эпохе* Гуссерля должно прийти *респонзивное эпохе*, которое позволит трансгрессировать смыслы и правила, обусловленные только собственным опытом, и вместе с тем углубиться в себя, обратиться к своей внутренней чуждости, дабы поставить под сомнение все, что влияет на нас с точки зрения того, на что мы отвечаем. Здесь, по мнению Вальденфельса, нельзя обойтись и без *внимательного эпохе* (англ. *attentive epoché*), которое позволит лучше понять функционирование внимания. Выступление Вальденфельса завершилось его размышлением о взаимосвязи внимания и уважения к Другому. Поскольку внимание — это не предмет управления и контроля, а то, что дается, в чем отказывается и что должно перед Другими, оно не может находиться вне рамок этики, а именно респонзивной этики, которая начинается с требований и аффектов и предшествует любым нормам, целям и фактам. Принять участие в такой этико-феноменологической борьбе за внимание позволяет *этнос смыслов*, возникающий из актов отвечающего всматривания и вслушивания (нем. *antwortendes Hinsehen und Hinhören*), то есть должностования внимания перед Другим. Так, все акты внимания, подчеркнул Вальденфельс, сохраняют в себе черты дикого внимания (фр. *attention sauvage*).

Первый день школы завершился совместным посещением Военно-исторического музея Дрездена. Во время экскурсии участники посмотрели на феномен войны из разных перспектив и самостоятельно изучили работу с вниманием в исто-

рическом процессе и ее репрезентацию в музейных практиках. Это во многом помогло им справиться с «домашним заданием» первого дня — ответить на вопрос, что такое квазитрансцендентальные структуры.

Дискуссия о квазитрансцендентальности предвляла лекционную программу второго дня школы. С опорой на классические феноменологические исследования, различные критические традиции и личный опыт столкновения с исключением из публичной сферы участники пришли к выводу, что под квазитрансцендентальными структурами можно понимать такие социальные структуры, которые, в отличие от трансцендентальных, являются контингентными условиями для любых возможностей субъекта. Эти условия могут функционировать иначе, они не обладают априорным или обязательным характером, но при этом упорно претендуют на обратное. Они ограничивают, нормируют и исключают, организуя общество в соответствии с такими гегемонными логиками, как, например, расизм, национализм, религиозный фундаментализм, гетеросексизм и другие. С таким определением соглашается и критическая феноменология²⁴.

Философско-феноменологическую часть продолжила *Марике Боррен* (Открытый университет, Нидерланды) с лекцией под названием «*Критическая феноменология и преобразующее гражданское действие*». Сначала Боррен рассказала о становлении исследовательской традиции критической феноменологии. Поставить точку начала отсчета истории этого гетерогенного направления без ущерба для его многогранности крайне сложно, поскольку отдельные критические усилия изнутри феноменологии не были редкостью с момента зарождения аутентичной дисциплины. Тем не менее за старт движения в академии, по мнению Боррен, можно взять первые доклады на научных конференциях и публикации его матерей-основательниц (2010-е годы), пилотный выпуск собственного научного журнала «Puncta: журнал критической феноменологии» (2018) и издание знакового сборника «50 концептов для критической феноменологии» (2020). В этом издании наиболее актуальные концепты из феноменологической классики (такие как недобросовестность, онтологическое и онтическое измерения бытия, бытие-для-Других, бытие-к-смерти, дление, горизонт, имманентность, трансцендентность) и критических теорий (эрос, геоматериальность, гетеронормативность, публичное Я, квинтерперформативность и расовая эпидермальная схема) анализируются при помощи новой методологии. Выступление во многом отражало программные тезисы критической феноменологии, изложенные на текущем долгом этапе идейно-теоретической самолегитимации в двух публикациях с говорящими названиями: «Что феноменологического в критической феноменологии?»²⁵ и «Что критического в критической феноменологии?»²⁶. Отвечая на первый вопрос, Боррен подчеркнула, что критическая феноменология берет за основу классику как «хранилище концептуальных ресурсов». Из этого хранилища она заимствует первичные структуры жизненного опыта, интересубъективности и жизненного мира; эпохе, приостанавливающее естественную установку; (квази)трансцендентальный метод, постоянный, контингентный, но при этом конститутивный; перспективу (множественного) первого лица; интенциональность, бытие-в-мире, ситуативность и фактичность. Критические теории снабжают ее обширной традицией социальной критики, в основе которой — преобразующее действие по отношению к миру.

24 *Guenther L.* Six senses of critique for Critical Phenomenology. P. 6.

25 *Laferté-Coutu M.* What is Phenomenological about Critical Phenomenology? // *Puncta: Journal of Critical Phenomenology*. 2021. No. 4 (2). P. 89–106.

26 *Salamon G.* What's Critical About Critical Phenomenology? // *Puncta: Journal of Critical Phenomenology*. 2018. No. 1. P. 8–17.

Гражданское и демократическое действие, направленное на изменение мира, — поле для сближения феноменологии и критических теорий, — стало темой второй части лекции. Боррен обратилась к исследованиям беженства Х. Арендт, чтобы прийти к политико-феноменологическому пониманию (не)видимости, вытесненности из внимания. Политический мир как «пространство явленности»²⁷ предполагает публичную видимость и естественную (англ. natural) невидимость его обитателей, за счет чего обеспечивается нормативное и непатологическое состояние человека. Беженцы, нелегальные мигранты и лица без гражданства сталкиваются с противоположным явлением: приватность их тел оказывается в зоне публичной видимости, тогда как их политический статус как общности остается без внимания. Это, в свою очередь, препятствует их явлениям в общем мире с разными Другими на равных основаниях. Но совместные публичные речь и действие, как утверждает Боррен, способны открыть политическое пространство перед любыми индивидами. Она привела метафору *масок* (Х. Арендт), которые *скрывают* «естественное» лицо человека, но вместе с тем *раскрывают* его субъективность как агента политических изменений — такая двойственность публичной явленности была обозначена самой Боррен как *парадокс гражданства*. Подробнее о ней философ пишет в статье «К политике не/видимости Арендт: о беженцах без гражданства и нелегальных мигрантах»²⁸. Далее она обратилась к сюжетам из своей недавней статьи «Сопротивляющиеся тела: между политиками уязвимости и “мы-можем”»²⁹. Боррен оппонирует идее прекарной жизни Джудит Батлер, противопоставляя ей *мобильность* (Х. Арендт) и *способность* (М. Мерло-Понти) тел. Эти феноменологические свойства телесности человека позволяют гражданам действовать публично и реализовывать политическую свободу. При этом Боррен не отрицает *материальные предпосылки* пространства явленности — естественные и культурные ограничения, с которыми, например, сталкиваются женщины и черные люди. Но она убеждена, что радикальная демократия, во многом подобно радикальной феноменологии, о которой говорил Вальденфельс, через взаимное онтологическое конституирование тел и политическое измерение «мы-можем» (англ. «we-can») позволяют преодолеть человеческую уязвимость в публичной сфере. Боррен раскрыла это на примере того, как антирасистское движение «Black Lives Matter» привлекало внимание к своим политическим требованиям и гражданской борьбе.

После лекции состоялся семинар: вместе с Марике Боррен участники погрузились в медленное чтение эссе Ханны Арендт «Гражданское неповиновение». Ряд важных комментариев, которыми профессор Боррен сопровождала оригинальный текст, возможно, впоследствии будет опубликован в новых статьях и монографии автора, анализирующих теории и практики радикальной демократии с позиций критической феноменологии. В конце семинара трибуна перешла к молодым исследователям — *Николай Нахиунов* (МВШСЭН, Москва) поделился своим магистерским проектом «Феноменология ненависти в публичной сфере». Как и Боррен, он обратился к определению публичного пространства как пространства явленности (Х. Арендт), которое способно сокращаться и сворачиваться под влиянием ненависти — главного и самого сильного деполитизирующего аффекта тотального внимания.

27 Арендт Х. Vita activa, или деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 2023. С. 250.

28 Borren M. Towards an Arendtian Politics of In/visibility, On Stateless Refugees and Undocumented Aliens // Ethical Perspectives. 2008. No. 15 (2). P. 213–237.

29 Borren M. Forthcoming 11 Jan 2024. Resisting Bodies: Between the Politics of Vulnerability and “We-Can” // Journal of the British Society for Phenomenology. 2024. No. 55 (1). P. 111–128.

Последним выступающим в философско-феноменологической части школы стал *Энтони Фредрикссон* (Пардубицкий университет, Чехия), автор одной из новых работ по феноменологии внимания³⁰, прочитавший лекцию на тему «*Краткая генеалогия концепта внимания в феноменологии*». Внимание для Фредрикссона важно в первую очередь как способность, которая позволяет менять субъективный и интерсубъективный опыт, поскольку цель его масштабного исследования — выявить характеристики процессов, «передельвающих» субъекта, и определить, как изменить отношение к эмпирическому миру, который человеческое сознание склонно воспринимать как единый и постоянный³¹. Для Фредрикссона также принципиальна связка внимания с Незнакомым (англ. Unfamiliar). Ведь именно внимание, он отметил это во вступительном замечании, играет неотъемлемую роль в том, как человек воспринимает действительность. Оно очерчивает и раскрывает ранее неизвестное в визуальном поле, наполняя окружающий мир жизнью и динамикой³². После короткой презентации каждой из глав своей новой книги Фредрикссон остановился подробнее на генеалогии внимания в феноменологической традиции. В качестве отправной точки он использовал концепт *заметности*, встречающийся в философской психологии Уильяма Джеймса, феноменологической социологии Арона Гурвича и феноменологии восприятия Мориса Мерло-Понти. Каждого из этих мыслителей волновало, почему одни вещи могут выделяться из ряда других. Однако если у Джеймса внимание являлось противоположностью рассеянности, то феноменологи делали акцент на его создающую модальность — способность наталкиваться на то, что ранее не было известно. Вслед за Мерло-Понти Фредрикссон утверждает, что человек воспринимает мир не как целое, но скорее как набор присутствующих и отсутствующих в нем деталей. То, что замечает человек, может и не находиться у него перед глазами. Но это нечто должно быть определено жизненным опытом: тем, что человек уже видел ранее, тем, что его интуитивно подсказывает и подвигает к интенциям, тем, что он ожидает от будущего, как он себя чувствует в настоящий момент и чувствовал ли он так же до этого, как он понимает себя и т.д.³³ Далее Фредрикссон обратился к другому корню — экспериментальной психологии Вильгельма Вундта, определяющей внимание как «внутренний прожектор» (англ. internal spotlight), который перемещает визуальный фокус между разными репрезентациями (нем. Vorstellungen). На этом основывается вундтовская идея «внутреннего поля сознания», которое постоянно очерчивается и исследуется через внимание. Эту функцию Вундт обозначал как *apperцепцию*. По мнению Фредрикссона, все это подчеркивает *избыточность* сознания человека. Он вновь обращается к Мерло-Понти (и предшествующим работам Бергсона) с его выборочностью восприятия, когда менее заметное никуда не исчезает, а становится *молчаливо* восприимчивым. Вторая часть лекции была практически полностью посвящена создающему вниманию (англ. creative attention — отсылка к статье Диего Д'Анджелло «Феноменология создающего внимания», 2018). Здесь Фредрикссона больше всего интересовала воплощенная вовлеченность в восприятие, которая наделяет этот процесс смыслом, делает его доступным и понимаемым, иными словами, способность внимания раскрывать мир и создавать новое. Определить роль Незнакомого в этом процессе ему позволяет феноменология Чужого (Б. Вальденфельс). Фредрикссон подчеркивает, что для Вальденфельса внимание (англ. atten-

30 *Fredriksson A. A Phenomenology of Attention and the Unfamiliar. Encounters with the Unknown. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.*

31 *Ibid.* P. x—xi.

32 *Ibid.* P. vii.

33 *Ibid.* P. 3.

tion) начинается с напряжения (англ. tension) — «преодоления порога, отделяющего знакомое от чуждого»³⁴, без которого невозможен переход к новому в сознании, то есть к объекту внимания. Внимание, следовательно, может проявиться только при столкновении с тем, что не было знакомо субъекту ранее. Чтобы продемонстрировать это на примере, Фредрикссон обратился к философско-литературному произведению «Суверенность блага» Айрис Мердок³⁵. «Пассивный» характер внимания раскрывается в тот момент, когда Мердок, переполненная подавленными чувствами, выглядывает из окна, но, заведя пустельгу и всецело сосредоточившись на ней, преобразует состояние своего сознания³⁶. Фредрикссон предлагает рассмотреть этот опыт как преодоление эгоцентрических проекций на мир через работу внимания, как то, что не просто позволяет изменить объект внимания, но переключить аффективность с рефлексивной на дорефлексивную, открыть для себя другой, незнакомый мир, противостоящий эгоцентрической задумчивости.

После лекции Энтони Фредрикссон провел семинар, на котором участники школы разобрали эссе «Аффективная политика страха» из книги «Культурная политика эмоций» (2004) Сары Ахмед, феминистской феноменологической мыслительницы, отклоняющейся от методологического мейнстрима академической феноменологии. Перед чтением Фредрикссон рассказал о том, как воплощенная феноменология (Симона де Бовуар) и постколониальная теория (Франц Фанон) повлияли на метод Ахмед, вскрывающий отношения власти в создании (выборе) объектов страха. Во время обсуждения текста был сделан акцент на том, как при помощи феноменологии внимания можно деконструировать общественные нормы, препятствующие плюрализму и прогрессивным изменениям в обществе.

Третий день открыла лекция на стыке политической теории и критической теории искусства от грузинской кураторки и независимой исследовательницы *Нини Палавандишвили* (Германия). Выступление «*Политика признания: вызовы серых зон*» было посвящено пространствам, которые находятся на пересечении общественного согласия и конфликта. Палавандишвили начала с цитаты нобелевской лауреатки по литературе (2022) Ани Эрно: «То, что остается не сказанным, не существует», — тем самым предварив теоретическое вступление о роли явления в публичном пространстве по Ханне Арендт. Исследовательница подчеркнула, что публичная сфера, если ее понимать как совокупность публичных пространств, в которых происходят разные социальные, культурные и политические события и процессы, имеет своей целью быть общим местом, чтобы исследовать и создавать будущее. Но Палавандишвили также отметила, что пространственное и материальное публичное пространство далеко не беспристрастно, но гендерно-ориентировано, то есть часто имеет яркую гендерную окраску. Она обратилась к примеру Тбилиси, где на публичном уровне представлена только одна вполне определенная социально-гендерная категория физически здоровых молодых белых мужчин «правильного» вероисповедания. Для того чтобы продемонстрировать, как эта доминирующая группа удерживает и воспроизводит свой статус-кво и за счет этого препятствует явлению других гендерных и сексуальных групп, Палавандишвили предложила рассмотреть несколько политических кейсов (например, учреждение торжественных празднований и шествий «Дня святости семьи» (17 мая 2014 года) и срыв Тбилисского марша гордости (8 июня 2023 года). Хотя подобные попытки борьбы за равенство в публичной сфере трудно назвать

34 *Waldenfels B. Phenomenology of the alien... P. 63.*

35 *Мердок А. Суверенность блага / Пер. с англ. Е. Востриковой и Ю. Кульгавчук // Логос. 2008. No. 1 (64). С. 117–137.*

36 *Fredriksson A. A Phenomenology of Attention and the Unfamiliar... P. 8.*

успешными, то, как их осмысливают в искусстве, по мнению исследовательницы, позволяет вскрыть распределение отношений власти, обусловленных гендерной и сексуальной принадлежностью. Среди творческих проектов, рассмотренных в лекции, были акция-инсталляция «Протест невидимых» (2014), инсталляция «Желтые автобусы» (2014) Сосо Думбадзе, «Крест» и «Скращенные пальцы» Group Vouillon и др. Палавандишвили также разделяет представление Х. Арндт о публичном как о видимом и гласном для всех, поэтому рассмотренные кейсы для нее являются ничем иным, как символической «зачисткой» общества от тех, кто не вписывается в господствующие патриархальные нормы. Публичное таким образом сужается и попадает во власть большинства, диктующего гетеромаскулинную гегемонию. Анализируя политическое противостояние в искусстве, исследовательница обратилась к статье Шанталь Муфф «Какое общественное пространство нужно критическим художественным практикам?»³⁷ (2005).

На семинаре участники обсудили текст Класа Гриннеллара «Бросая вызов нормальности: музеи в публичном пространстве / как публичное пространство»³⁸, что помогло им подготовиться к совместному просмотру короткометражного документального фильма «Случай в музее» (2011, реж. Олексий Радинский). На примере одного украинского музея Радинский показывает, как культурные институции отражают деформированную публичную сферу и, напротив, как через арт-практики можно демократизировать публичную сферу.

В завершение третьего дня школы участники отправились в Альбертинум — один из самых известных музеев изобразительных искусств Дрездена, — на выставку «Калейдоскоп историй: украинское искусство 1912—2023» (англ. Kaleidoscope of (Hi)stories. Ukrainian Art 1912—2023). Ее кураторка Татьяна Кочубинска (Дрезден, Германия) провела экскурсию, озаглавленную «Воображая истории заново», которая включала четыре пересекающиеся темы — «Практики сопротивления», «Культура памяти», «Пространства свободы» и «Мысли о будущем», — и рассказала, как искусство может работать с темой внимания в личных историях и опыте.

Четвертый день школы был посвящен политологическим и кураторским исследованиям. Арзу Шеранова (Университет Корвина, Будапешт, Венгрия) в своей лекции «Стремление и борьба за внимание: государственные публичные мероприятия и легитимация власти в Кыргызстане» рассказала о способах и механизмах управления вниманием для легитимации власти на примере «официальных» публичных мероприятий в Кыргызстане с 1991 по 2017 год. Сначала Шеранова обрисовала контекст: в посткоммунистических государствах Центральной Азии политические элиты постоянно устраивают перевыборы действующих чиновников, чтобы усилить свое положение в обществе. Еще более простым и надежным способом «зарекомендовать» себя перед народом и привлечь его внимание к мнимому политическому прогрессу является проведение массовых культурных мероприятий. Шеранова подробно проанализировала организацию 3000-летия города Ош, 2200-летие Кыргызстана, 1000-летие эпоса «Манас» и Всемирные игры кочевников. В частности, ее интересовало, как действующая власть в Кыргызстане сделала из этих исторических событий дискурсивные инструменты, причем не только для укрепления государства и нациестроительства (как эти мероприятия позициони-

37 Mouffe C. Which Public Space for Critical Artistic Practices? // *Caucus: On Art, Possibility & Democracy* / Ed. by T. Joyce. Berlin: Revolver Publishing, 2005. P. 149—171.

38 Grinnell K. Challenging Normality: Museums in/as public space // *Museums and Truth* / Ed. by A.B. Fromm, V. Golding, P.B. Rekdal. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 2014. P. 169—188.

руются на официальном уровне), но и для управления публичной сферой. Вывод, который сделала Шеранова, еще раз подчеркнул, что значимость таких «всеобщих» зрелищ измеряется степенью прикованности к ним общественного внимания. Борьба за артикуляцию внимания, таким образом, становится политической технологией для воспроизводства и укрепления власти в руках нелиберальных и «закрытых» элит.

После политологической лекции выступила украинская художница и кураторка *Юлия Костерева* (Киев, Украина). В своем сообщении на тему «*Перформативное и партисипаторное искусство как способ активизации общественного внимания*» она представила совместный с другим украинским арт-практиком Юрием Кручаком проект «Открытое пространство» (англ. Open Place). Эта инициатива для художников и от художников помогает развивать исследовательские навыки в творческой среде и аккумулировать связи между художественным процессом и разными слоями общества. Цель проекта — создать пространство для актуальных дискуссий, делиться мнениями, идеями и опытом друг с другом. При этом список его участников не ограничивается Украиной. Своей миссией «Открытое пространство» видит совместные действия художников, которые делают вклад в развитие не только искусства, но и политики, в социокультурный переход к более справедливому обществу в целом. В рамках презентации Костерева подчеркнула значимость недавних перформативных и партисипаторных проектов для привлечения общественного внимания к актуальным социальным и политическим проблемам Украины и мира в целом. В работе над выставкой, по мнению Костеревой, важно то, на что обращает свое внимание художник, и как сделать этот объект субъективного внимания видимым для разных зрителей, то есть публичным. Докладчица заключила, что художник всегда будет являться публичной фигурой, поскольку его личный опыт не может быть изолирован от общественно-политической ситуации.

Четвертый день школы завершился двумя кинопоказами, следовавшими друг за другом. Энтони Фредрикссон, уже выступавший с феноменологической лекцией, рассказал о работе над авторским короткометражным фильмом «Совместная прогулка» (англ. «They Roam Together»), который он создал вместе с кинорежиссеркой и продюсеркой *Вероникой Янатковой* (Прага, Чехия). Картина отражала ключевые концепты философии Мерло-Понти, в частности интеркорпоральность и разделяемое восприятие. Поэтика пространства и «попадания» объектива в динамику человеческого и нечеловеческого внимания позволила продемонстрировать, как взгляд, слух и само внимание пересекают границы отдельного тела и соединяет его с окружающим пространством, создавая новый вид опыта между телами, предметами, пространствами и звуками. После кинопоказа последовала короткая лекция от самой Янатковой, посвященная ее творческой практике «*вне поля зрения*» (англ. under the radar). Такая характеристика связана с тем, что для реализации своих документальных проектов режиссерка отправляется, например, в Руанду, на Ближний Восток и Кавказ, чтобы рассказать о политических сюжетах, чаще всего ускользающих от внимания общественности, и в то же время не боится работать с опасными темами в поле, где она сама становится объектом пристального внимания агентов институционализированного насилия. После лекции Вероника Янаткова представила спродюсированный ей фильм «Я не пересекал границу, граница пересекла меня» (2016, реж. Тома Чагелишвили) о жителях грузинского села Хурвалети, разделенного пополам границей после российско-грузинской войны 2008 года.

С одной стороны, разнообразие теоретических рамок, практических ориентаций и междисциплинарных подходов, представленное за время проведения школы, продемонстрировало, как внимание способно изменять наше восприятие самых разных социальных и политических явлений и процессов и как при его помощи

можно преобразовывать и расширять ограниченные нормативные порядки. Совсем не случайно во время дискуссий участники не раз обращались к отрывку из фильма «Зал ожидания» (1996, реж. Йос Стеллинг), который был показан в самом начале и в финале школы. В нем главный герой в ожидании поезда сначала буквально поглощает своим вниманием всех женщин, окружающих его в зале, а потом сам оказывается под пристальным и «одергивающим» взглядом других. Этот сюжет, отражающий квазитрансцендентальную природу внимания первого лица и феноменологические свойства внимания к первому лицу, стал примером амбивалентности внимания — его колебаний между репрессивностью и продуктивностью. Так, с другой стороны, школа, и в этом была, наверно, ее основная цель, дала ясное понимание того, как критическая феноменология — молодая исследовательская традиция, — способна быть одновременно философской и политической практикой: не только объяснять, но и изменять отнюдь не совершенный мир³⁹.

Николай Нахшунов

39 См.: *Guenther L. Critical Phenomenology*. P. 16.